

“Я ценю твои добрые слова. Тогда позволь попросить тебя об одолжении”.

“Я рад это слышать”.

“М-можешь, пожалуйста, взять грелку, которую принесла мне Лизе? Мне так холодно...”

Возможно, потому, что я была так тронута, что мои глаза наполнились слезами, а теперь у меня потекло из носа.

Киллиан, казалось, наконец понял мое состояние.

“Сними пальто! Как бы ты ни старалась замаскироваться, где ты взяла что-то подобное...!”

Киллиан заставил меня снять пальто, затем снял свою собственную шубу.

Он надел ее на меня и схватил за предплечье, чтобы поддержать, когда я споткнулась.

“Ой!”

Я невольно вскрикнула. Именно туда София ударяла меня, и это было больнее всего.

Я задыхалась от боли, которая заставляла меня покрываться холодным потом, и я могла сказать, что цвет лица Киллиана был хуже, чем у меня.

“Немедленно позовите врача! Поторопитесь!”

На его крик кто-то, по-видимому, самый молодой из рыцарей, стоявших вдалеке, выбежал наружу.

Он обернулся и увидел Лизе, ее лицо было залито слезами, она недоверчиво смотрела на Киллиана.

Конечно, она сама порезала себе руку, но Киллиан уже видел, что она кровоточит.

“Лизе, тебе следует сходить к врачу”.

Клифф обнял ее и заговорил успокаивающе, но опустошенное выражение лица Лизе не улучшилось.

Внезапно у меня перед глазами все поплыло, и я почувствовала головокружение.

К счастью, Киллиан держал меня в своих объятиях.

“Насколько сильно ты ранена...”

Это было все, что я могла услышать, не в силах понять, жаловался он или волновался.

Потому что все мое тело словно упало на пол, а затем я снова потеряла сознание.

Но, в отличие от предыдущего раза, я почувствовала облегчение.

Я знала, что Киллиан защитит меня, пока я буду без сознания.

Я расслабилась и погрузилась в глубокий сон.

Все время, пока Киллиан нес упавшую Эдит из камеры в свою комнату, его мучило ужасное чувство сожаления и самообвинения.

‘Я такой глупый. Самый глупый человек в семье Людвигов!’

Я так зол на себя за то, что был настолько невежественен в ситуации с Эдит, что мне хочется ударить себя по лицу.

На Лизе я тоже зол.

Я не понимаю, почему Лизе хотела подставить Эдит, но если бы я не смог очистить имя Эдит прямо тогда, ее, возможно, потащили бы обратно на место казни.

Нет, если бы Клифф верил, что Эдит чуть не стала причиной того, что с Лизе случилось что-то ужасное, он бы сделал все, чтобы отрубить ей голову прямо там.

Пока Киллиан смотрел на бледное лицо Эдит, погруженный в собственные ужасные мысли, вошел один из рыцарей, захвативших Эдит в плен, с дешевой кожаной сумкой.

“Это сумка, которую несла леди Эдит, когда мы нашли ее на стоянке карет”.

“Кто-нибудь рылся в ней?”

“Нет, я принес ее с собой”.

“Очень хорошо. Оставь там”.

Рыцарь поклонился и вышел, и в комнате снова воцарилась тишина.

Киллиан взглянул на Эдит, затем осторожно открыл сумку.

Когда он увидел, что было внутри, у него перехватило дыхание.

“О, Боже мой...!”

Он не мог сдержать слез.

В верхней части сумки лежали три маленькие холодные картофелины, завернутые в бумагу.

Даже Киллиан, который мало что понимает в жизни простолюдинов, знал, что именно такой картофель продают на закуску на вокзале.

“Ты взяла это с собой на ужин? Что-то вроде этого...?”

Сердце Киллиана упало.

Вот женщина, которую безжалостно избили, она замерзла и не поела как следует, потому что слишком боялась, что ее поймают.

При мысли о том, что она держит бумажный пакет с дешевой картошкой, которую могут есть нищие, и греет руки ее теплом, у Киллиана перехватило дыхание.

“Черт...!”

Сердце Киллиана упало еще сильнее, когда он осмотрел содержимое ее сумки.

Здесь лежала грубая одежда простолюдинки – вероятно, потому, что она старалась не выделяться, – и инструменты для путешествий, такие как переносной фонарь, кремь и кухонный нож.

Каждый предмет был непрочным, и Эдит испытала бы неописуемые трудности, если бы ей пришлось полагаться на них в начале долгого путешествия.

‘Что было в голове у Эдит, когда она упаковывала это?’

Я чувствую, что понял это без долгих раздумий. Возможно, ей было так одиноко, что она не захотела жить.

Она уже была на станции междугородних перевозок, но предпочла вернуться сюда, чтобы умереть.

Киллиан крепко сжал грудь, представив одинокое, разбитое сердце Эдит.

У меня защемило сердце.

‘В мире не было ни единой души, которая заступилась бы за нее. Ее собственная семья хотела ее смерти, а я, ее муж, отталкивал ее и становился на сторону другой женщины каждый раз...’

Мне не в чем винить Ригельхоффов. Людвиги поступили с ней хуже.

Они ни разу не относились к своей невестке Эдит с большим уважением, чем к Лизе, а я был занят тем, что подозревал ее во всем подряд.

Были сообщения, что даже слуги особняка дистанцировались от Эдит из-за того, как Людвиги обращались с ней.

В то время я думал, что это все ее рук дело. Как глупо с моей стороны...

Внезапно на ум пришла Анна.

“... тем временем молодой мастер Клифф допросил всех обитателей особняка, и атмосфера была настолько убийственной, что каждый либо говорил то, что он хотел услышать, либо говорил, что не знает. Была только одна, мисс Анна, горничная леди Эдит, которая защищала ее до конца.”

Согласно отчету надзирателя, который вывел Эдит из темницы, Анну допрашивали в течение нескольких дней как горничную Эдит, но она защищала ее до конца. Она добросовестно выполняла приказ, который Киллиан дал ей перед тем, как отправиться на территориальную войну.

“Позови Анну”.

Киллиан срочно отдал приказ слуге, ожидавшему снаружи.

Анну несколько дней таскали туда-сюда на допросы. И ей дали условный срок за то, что она не давала показаний против Эдит.

Я хотел дать ей передышку, но Анна была единственной, кому я мог доверить заботу об Эдит прямо сейчас.

Несколько мгновений спустя вбежала Анна, как всегда аккуратно одетая в форму горничной.

“Молодой господин”.

Возможно, она вела себя небрежно, но ее впалые щеки красноречиво говорили о трудностях, через которые ей пришлось пройти.

“Извини, что звоню тебе так внезапно, но еще раз повторю, есть кое-что, что я могу доверить только тебе”.

“Отдавайте мне приказы, молодой господин”.

“Эдит...”

При имени "Эдит" Анна вскинула голову.

“Мисс Эдит? Мисс Эдит вернулась?”

Тоска и тревога в глазах Анны еще раз убедили Киллиана, что он может доверять ей.

“Да. Ей нужно в ближайшее время пройти осмотр врача, но она очень сильно пострадала. Мне нужно вымыть ее тело и сменить одежду...”

“Я сейчас все приготовлю, но сначала, могу я увидеть мисс Эдит... на минутку?”

Киллиан кивнул, позволяя Анне подойти ближе к кровати.

Анна нервно приблизилась и прикрыла рот рукой, судорожно втянув воздух при виде покрытой синяками худощавой спящей Эдит.

“Эта сука София пыталась убить Эдит. Я должен был искалечить ее тогда, а не просто выгнать...”

Киллиан пробормотал с сожалением, и Анна стиснула зубы, чтобы подавить нахлынувшие эмоции.

“Я принесу смену одежды и полотенце, чтобы привести ее в порядок”.

“Пожалуйста”.

Анна вышла из комнаты, и Киллиан нежно погладил Эдит по щеке.

Она была такой холодной, что ему захотелось растереть ей конечности. Но, судя по ее реакции, когда он схватил ее за предплечье, он заподозрил, что у нее много синяков по всему телу, поэтому не осмелился.

И это подозрение, к сожалению, оправдалось.

Когда они с Анной раздевали Эдит, их глаза расширились одновременно.

“Я должен был разорвать ее до смерти! Я должен был разорвать ее на куски, а не отрезать ей голову!”

По предплечьям и бедрам Эдит расплзлись фиолетовые синяки.

Ее предплечья, где побои были особенно сильными, все еще болели и покрылись волдырями. На ее ступнях, ступнях, которые долгое время ходили в неудобной обуви, было два фиолетовых ногтя.

“Как это могло случиться... мисс...!”

Анна, имевшая репутацию самой бесстрастной горничной в особняке, не могла сдержать слез, которые текли по ее щекам.

Киллиан тоже терял самообладание.

Он как будто мог видеть тяжесть той жизни, которую несло стройное тело Эдит.

Я не знаю, почему сейчас мне все кажется таким ясным. Почему только сейчас...!

‘Я загнал ее в ад и даже не потрудился разузнать о ней побольше, потому что с ней все было в порядке, так что неудивительно, что она не оперлась на меня!’

Сердце Киллиана болело так, словно его раздавили.

Он не смог выполнить свои обязанности мужа и причинил боль Эдит, если судить о ней на основании того, что он мог видеть.

Он высокомерно думал, что знает все, что он умнее ее.

‘Я сам себе противен, я ужасен!’

Киллиан продолжал проклинать себя, пока они с Анной очищали тело Эдит.

Они были чрезвычайно осторожны, как будто чистили новорожденного ребенка, опасаясь, что малейшее прикосновение причинит Эдит боль.

Они едва успели одеть ее, когда услышали новость о прибытии доктора.

“Приведи его сюда сейчас же. Если Клифф попытается забрать его первым, скажи ему, что я убью его”.

Поскольку Киллиан был в более кровожадном настроении, чем когда-либо прежде, слуги выбежали за доктором.

И как только доктор увидел состояние Эдит, он в ужасе посмотрел на Киллиана.